

МАРТОВСКИЕ ИДЫ.

Говорят, что Мартовские Иды неблагоприятны для тиранов? И если бы наука раз навсегда не осудила астрологических суеверий, то можно было бы, «с фактами въ руках», доказать, что тираны, единоличники и коллективны, ищутъ полное оправдание престолу не только въ теченіи Мартовскихъ Идъ, но въ продолженіи всего мѣсяца посвященнаго Марсу. Въ мартѣ мѣсяцъ Юлія Цезаря; въ мартѣ погибъ Александръ II; въ мартѣ совершилась вѣнская революція, положившая конецъ гнусному режиму Меттерниха; въ мартѣ произошло лондонско-венское измѣненіе престола австрійскаго имп., ознаменовавшееся героическимъ «пятно дня» въ Малайтѣ; въ мартѣ совершалась берлинская революція, нанесшая неувѣжливую рану прусскому абсолютизму; въ мартѣ парижскій пролетаріатъ заставлялъ бѣжать въ Версаль поворочное правительство, національную обиду имъ. Можно думать, что боги войны, вопреки общераспространенному мнѣнію о немъ, очень неравнодушны къ свободѣ. Но оставляя въ сторонѣ вопросы о вкусахъ этого бога и о таинственности вліянія посвященнаго ему мѣсяца на внутреннюю жизнь цивилизованныхъ странъ, приходило, независимо отъ какаго бы то ни было суевернаго соображенія признать, что мѣсяцъ Марта неминуемо, не беззаботно на счетъ политики человѣку напоминаетъ о цѣломъ рядѣ такихъ историческихъ событій, которыя были и на долготу остаются въ высшей степени интересными не только для ученаго, стремящагося обнаружить причинную связь общественныхъ явленій, но и для дѣлателя, старающагося навѣять въ людъ практические уроки. Достаточно назвать великое американо-революционное движеніе 18 марта, которое обаяло внимательно изучать и то, что хотѣлъ оставить себѣ ясное по нѣмъ о борьбѣ классовъ въ современномъ обществѣ, и то, что приносить дѣловитое участіе въ этой борьбѣ и, отставляя въ сторону политическія желанія, знать, въ чѣмъ состоитъ сила этого класса и наковы слабыя стороны его революціонныхъ востаній, изучающія его побѣду надъ непрителемъ.

Революционное движеніе 18 марта, вѣстное также подъ именемъ Парижской Коммуны 1871 года, является блестящимъ подтвержденіемъ той истины, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ практическихъ дѣятельствъ современныхъ социалстовъ и которая была такъ хорошо формулирована въ устахъ Международнаго Товарищества Рабочихъ, вышедшемъ изъ-подъ пера Карла Маркса и гласившемъ, что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. Движеніе 18 марта было движеніемъ пролетаріата къ преимуществу. Хотя въ немъ дѣлательно участвовала многочисленная мелкая буржуазія французскаго столицы, однако Парижская Коммуна не впадала на одного постановленія для защиты исключительныхъ интересовъ мелкихъ предпринимателей. Напротивъ, всѣ принятыя ею мѣры были пропитаны пролетарскимъ духомъ. Въ движеніи 18 марта мелкая буржуазія не имѣла никакого значенія пролетаріату.

Принятая Парижской Коммуной постановленія социально-экономическаго характера не отличались, правда, ни численностью, ни рѣшительностью. Ихъ было мало, и они представляли собою довольно робкіе шаги на пути рѣшенія нѣкотораго спора между трудомъ и капиталомъ. Но дѣйствовать рѣшительнѣе въ этомъ отношеніи Парижской Коммуны пожелали, во-первыхъ, вѣншіе условия: борьба съ бандами буржуазной реакціи, укрѣпленіемъ общаго фронта отъ безпримыслия и безогляднаго нападенія на Парижъ, оставшіеся во власти рабочихъ. А кроме того, — и это главное, — въ движеніи 18 марта не было всей той сознательности, которая необходима пролетаріату для того, чтобы онъ могъ не только уцѣлѣть въ непримиримой противоположности своихъ интересовъ съ интересами буржуазіи, но также и выработать себѣ положительную программу практическихъ дѣйствій. Тѣмъ на чѣмъ неосознанно перенялъ разныхъ изысканій, которые еще такъ недавно съ уверенностью провозглашались, что имъ придаетъ превеликое значеніе сознательности въ революціонномъ дѣлѣ рабочихъ классовъ, полезно будетъ хорошенько поразмыслить надъ движеніемъ 18 марта. Его исторія съ ясностью покажетъ намъ, что стихійность, которую они представляютъ себѣ могучимъ доловымъ конекъ, способнымъ вывести движеніе изъ всѣхъ затрудненій, на самомъ дѣлѣ является источникомъ промаховъ и поражений. Шаги успѣха пролетаріата въ его борьбѣ съ защитниками существующаго порядка не растутъ изъ той самой мѣры, въ какой его движеніе утрачиваетъ стихійный характеръ и становится сознательнымъ. И въ той же самой мѣрѣ возрастаетъ вліяніе на него социальной демократіи, плановыя дѣйствія которой служатъ сознательнымъ выраженіемъ безогляднаго историческаго процесса.

Противопоставленіе стихійности сознательному дѣлу революціонной партіи можетъ имѣть смыслъ только въ томъ случаѣ, когда сама эта партія, не утѣи вѣсть на классовую точку зрѣнія, противопоставляетъ свои субъективныя пожеланія объективному ходу вещей. Въ этомъ случаѣ ходъ идей противорѣчитъ ходу вещей, и потому оказывается лишнимъ всякой творческой силы. Мысль опережаетъ жизнь и мало-по-малу утрачиваетъ на нее всякое вліяніе. Такихъ случаевъ можно было бы не мало насчитать въ исторіи того добраго стараго времени, когда социализмъ, стоявшій на почвѣ утопіи, распространялся почти исключительно въ средѣ такъ-называемыхъ интеллигентныхъ слоевъ общества, которые не раздѣляли тогда собою гораздо болѣе шансовъ практическаго успѣха, чѣмъ социальные условия заговорщиковъ-революціонеровъ или социалство-реформистовъ. Но это доброе старое время само было лишь введеніемъ въ исторію современнаго революціоннаго движенія пролетаріата. Дальнѣйшее развитіе этого движенія вело къ тому, что стихійность, боевое и болѣе отступала въ немъ переносилась, которая черпала свою творческую силу именно въ практическомъ общественомъ участіи. Протиротивъ этому, между мыслью и жизнью оказалось тогда разрываніемъ; социализмъ переставалъ быть утопическимъ и становился научнымъ.

Исторія рабочаго движенія въ эпоху, предшествующую Парижской Коммуны 1871 года, какъ нельзя лучше подтверждаетъ все это. Фридрихъ Энгельсъ, самъ жившій въ сороковыхъ годахъ въ Парижѣ въ хорошо знакомой съ тѣмъ, что тамъ происходило, говоритъ, что уже скоро послѣ польской революціи пролетаріатъ, вѣдая о своемъ общественомъ участіи еще въ тайныхъ обществахъ, въ эпоху реставраціи, становится преобладающимъ элементомъ въ революціонныхъ организаціяхъ заговорщиковъ. Тайное общество «Временъ Гола», съ помощью котораго Бланки въ Барбосъ вызвалъ возстаніе 1839 года, было уже исключительно пролетарскимъ. И такія же пролетарскія были общество «Новыхъ Временъ Гола», которые было основано послѣ неудачи вѣнскаго востанія и которыми руководилъ Альберъ. Но вѣнскому востанію, что это общество состояло почти исключительно изъ пролетаріата, изъ пріемовъ и изъ тактика имѣли въ себѣ очень мало пролетарскаго, будучи цѣлкомъ замѣшаны въ сеть

вопроса заговорщиковъ, составлявшихся буржуазной интеллигенціей. «Само собой понятно, — замѣчаетъ Энгельсъ, — что заговорщики не ограничивались организаціей революціоннаго пролетаріата, они стремились именно къ тому, чтобы опередить революціонный процессъ развитія, вызвать въ немъ искусственный кризисъ, сдѣлать революцію въ такое время, когда еще не было ни мало необходимыхъ для нея условий». Да, и въ немъ было много думать о необходимыхъ для революціи условіяхъ, потому что единственными изъ условій являлось въ ихъ глазахъ неподдавшаяся организація заговора. «Они были алхимиками революціи, — продолжаетъ Энгельсъ, — и отличались такою же путаницей понятий и такою же ограниченностью взглядовъ, какія были собственными алхимиками стараго времени. Они старались дѣлать открытія, которыя должны были совершить революціонныя чудеса: вымѣривать свѣрлами, асигнациями магической силы, востаній, которыя должны были дѣйствовать, какъ свѣча и улитка, чѣмъ мѣняе было изъ разнаго основанія». Поглощенные своей алхимической работой, заговорщики преслѣдовали только ближайшую цѣль: названіемъ существующаго правительства и пренебрежительно смотрѣли на дѣло развитія классового самосознанія рабочихъ. Они отличались обыкновенно отчаянною храбростью и значительной революціонной сорочкой, спорили первыя баррикады, грабили оружіемъ лавки, организовали сопротивленіе, руководили въ организованно силу рабочаго класса и развитіе его классового самосознанія. Коммунистическая пропаганда того времени, равно какъ и споры, происходившіе между коммунистами различныхъ направленій, остались такъ же мало понятны французскимъ заговорщикамъ стараго зана, какъ мало понятны были нашимъ нынѣшнимъ хранителямъ революціонныхъ преданій семидесятыхъ годовъ споры между представителями различныхъ направленій русаго социал-демократіи.

Начавъ въ 1847 г. правительствомъ Луи-Филиппа дѣло о бомбахъ распыло, по свѣдѣтельству Энгельса, даже самыхъ упорныхъ и наименѣе осмысленныхъ заговорщиковъ и толкнувшихъ за нихъ рабочихъ на путь чѣмъ пролетарскаго движенія. Во время февральской революціи 1848 г. коммунисты были уже самою сильной фракціей революціоннаго пролетаріата. Однако, движеніе 1848 году тотчасъ же въ рукахъ юнкерскихъ борцовъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, французскій рабочій классъ, подвѣсивъ своей великой неудачѣ и лишивъ всѣхъ политическія правъ, не выходилъ изъ мертвой точки астоя. Только политическая оттепель шестидесятыхъ годовъ привнесла съ собою возобновленіе его освободительной борьбы. Но теперь эта борьба дѣлаетъ новый шагъ впередъ. Теперь переломъ представители французскихъ рабочихъ становятся подъ знамя руководимаго Мариксомъ Международнаго Товарищества Рабочихъ. И хотя большинство этихъ представителей продолжаетъ почитаться въ политикѣ утопическимъ социализмомъ, — преимущественно органическимъ, — тактика заговорщиковъ, съ ихъ бутербродомъ политическимъ популизмомъ и прочей «алхиміей», не встрѣчаетъ между ними никакого сочувствія. Практической задачей для нихъ становится выработка классового самосознанія рабочихъ. Эта выработка, безъ всякаго сомнѣнія, значительно замедляется многообразными утопическими пережитками, сохраняющимися въ головахъ большинства тогдашнихъ руководителей французскаго Интернационала. И нельзя не признать, что полезныя противоборство, которое совершалось въ исторіи 1848 года рабочаго движенія, которое было чуждо утопіи уже по одному тому, что вообще мало справлялось съ какой бы то ни было теоріей.

Если въ мѣропріятіяхъ Парижской Коммуны не замѣтно слѣдовъ утопізма, то это объясняется тѣмъ, что объективная логика великаго революціоннаго движенія оказалась сильнее субъективной логики его вожаковъ, и заревавшая утопическая мысль подчинилась, такимъ образомъ, вѣдущимъ указаніямъ объективной логики. И въ этомъ развѣженіи, очевидно, хорошо. Но дѣло шло не о несравненно лучшей борьбѣ, революція 18 марта было бы гораздо болѣе плодотворной, если бы субъективная логика людей не расходилась съ объективной логикой жизни. Если бы стихійная сила событий вынудила то, чтобы сталкивались съ человѣческимъ сознаниемъ, какъ съ элементомъ до извѣстной степени чуждымъ и противодѣйствующимъ ей, получила въ немъ свое точное и ясное выраженіе.

Успѣхи французскаго социализма со времени зарождеи Коммуны именно въ томъ и состояли, что это несоотвѣстіе между ходомъ вещей и ходомъ идей все болѣе и болѣе устранилось, благодаря вліянію современнаго научнаго социализма. Идея научнаго социализма не противорѣчила стихійной силѣ вещей и вообще не расходилась съ ней, а служила ей сознательнымъ выраженіемъ. И чѣмъ болѣе распространяется эта идея, тѣмъ болѣе приближается торжество этой силы. Нотъ почему сторонники научнаго социализма, оставаясь мало знакомы плечомъ, когда имъ говорятъ, что они правды представляютъ значеніе сознательности и слишкомъ мало полагаются на силу стихійности. Во время революціоннаго варама 1871 г. стихійная сила вещей, съ сожнтіемъ, еще не получила надлежащаго выраженія въ человѣческомъ сознаніи. Этимъ объясняется, между прочимъ, какъ слабая организованность революціоннаго пролетаріата, такъ и неадекватное энергичное преслѣдованіе непрителѣ, который былъ Версаль. Оба эти факта, однако, не могутъ служить исторіи Парижской Коммуны, что въ этотъ день, около трехъ часовъ пополудни, много батальоновъ національной гвардіи, состоявшие изъ вооруженныхъ пролетаріатъ, спокойно проходили мимо здания министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ вѣдывались тогда Тьеръ и его министры. Если бы революціонеры арестовали «чудовищаго карлика», то этимъ предупреждено было бы много несчастій въ будущемъ. Тотъ же Лессажаръ разсказываетъ, что въ ночь съ 18 на 19 марта генералъ Витте безразсудно вызвалъ изъ Парижа дѣйствіемъ войска и вывелъ оттуда много оружія, аммуниціи и боевыхъ припасовъ. Революціонеры безъ большаго труда могли бы склонить солдату генерала Витте на свою сторону и овладѣть его военными припасами. Они этого не сдѣлали, чѣмъ оплошала свою силу. Наконецъ, необходимо было преслѣдовать разбитаго непрителѣ по Парижу, а не давать ему утвердиться и заново обзаводиться въ Версаль. Оба эти факта, однако, не могутъ служить исторіи Великаго стихійнаго сила движенія не наша надлежащаго выраженія въ сознаніи людей. Отсюда — отсутствіе централизован-

ной организаціи, напрасная трата драгоценнаго времени, неужные пользоваться благоприятными степеніями обстоятельствъ.

Но каковы бы ни были недостатки революціоннаго движенія, начинавшаго 18 марта, оно покрывало своихъ участниковъ неулаждивой злобой и показало, какой длинный путь развитія оставалъ за собою французскій рабочий въ тѣхъ поръ, какъ перестали угнетаться загнорышники этого класса. Историческое значеніе Парижской Коммуны 1871 г. по истинѣ колоссально. Только то, что смѣло оценить это значеніе, видѣтъ, какъ лѣтъ сто въ сравненіи съ нимъ историческое значеніе гибели какого-нибудь отдаленнаго представителя деспотической власти, жавѣтъ-ли онъ въ Римѣ или въ Петербургѣ, называеи-ли его Юліемъ Цезаремъ или Александромъ II.

«Кровавая» малая недѣля, ознаменовавшая собою побѣду буржуазіи надъ востаніемъ парижскихъ пролетаріатовъ, дѣлаетъ намъ понятны, между прочимъ, нѣкоторые изъ законовъ «христіанскаго Маркса», старающихся удержать насъ въ томъ, что борьба классовъ принимаетъ все болѣе и болѣе явныя формы. На самомъ дѣлѣ формы этой борьбы болѣе или менѣе «мѣня» лишь до тѣхъ поръ, пока она не выходитъ изъ предѣловъ «законности», хотя и тутъ можно указать весьма выразительныя исключенія. А какъ только пролетаріатъ перешагиваетъ рѣчу «законности», буржуазія тотчасъ же забываетъ всѣ предѣлы рѣчи и начинаетъ новую борьбу, и нѣтъ сомнѣнія, что она кончится такою снотную кровожадностью, какой устывалась бы самыя дикіе людоеды.

Тьеръ и его пособники показавъ намъ силу своей ненависти къ освободительнымъ стремленіямъ рабочаго класса. Революціонный пролетаріатъ Франціи хорошо понялъ общественный смыслъ этой ненависти. Но странное дѣло! Никому изъ сколько-нибудь мыслящихъ его представителей не пришло въ голову «отомстить» Тьеру какою-нибудь террористическою дѣйствіемъ. Только анархисты пытались нѣсколько разъ возвать его стату, подожжѣ около него наполненную порохомъ коробку въ-подъ сардиню, но и эта малочисленная выходка, какъ потомъ оказалось, была предпринята при любовномъ содѣйствіи парижскаго префекта полиціи Андріе. Почему безоглядная жестокость «чудовищаго карлика» осталась безнаказанной? Ужъ не потому ли, что между французскими пролетаріатами не осталось ни одного сознательнаго членовъ? Нѣтъ, вовсе не потому! Самоотверженіе было въ такой же мѣрѣ свойственно передовымъ французскимъ рабочимъ, послѣ Коммуны 1871 г., какъ и въ ея время. И мысль о мести на минуту не покидала этихъ рабочихъ. Но отомстить значило для нихъ посылать тотъ общественный порядокъ, защитниками котораго являлся Тьеръ и его сподвижники, разрушить ту систему, которая основывается на эксплуатаціи наемнаго труда капиталомъ. Второй другой рѣшъ мести не оставившая на себѣ къ вѣнскимъ, какъ спланикомъ, отомстить и то, потому никто изъ нихъ не поддалъ рукамъ на Тьера. Французское рабочее движеніе давно уже вышло изъ плена. Сообразно съ этимъ его передовые представители давно уже перешли вслѣдствію ветхоуказныхъ заговорщиковъ. И въ этомъ отношеніи мы, русскіе революціонеры, можемъ много научиться у героическихъ пролетаріатъ Франціи.

ПО ПОВОДУ НОВОГО ТАМОЖЕННАГО ТАРИФА.

23 января прошлаго года учреждено было Особое Собраніе для вынесенія нуждъ сельскохозяйственной промышленности и для соображенія мѣръ, направленныхъ на пользу этой промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда. Русскій либералъ, какъ подобаетъ либералу, умилился душой передъ величіемъ такого начинанія. Либералы забыли, а не хотѣли припомнить, что то, что требовало теперь правительство вынести, было уже давнымъ давно на сотніа лѣтъ разъяснено лозунгомъ правительственной коммисіи въ сельскохозяйственныхъ сѣздахъ, сотнями толпъ статистическихъ изслѣдованій. И вотъ сдѣлаешь лѣтъ въ удачныхъ коммисіяхъ принялись повторять задѣ и опять и опять указывать правительству, что, никакія аграрныя техническія улучшенія, никакія восполненія отдалѣнныхъ отраслей хозяйства частными мѣрами не въ состояніи улучшить положеніе сельско-хозяйственной промышленности, пока не будутъ устранены коренныя препятствія къ ея развитію, которыя заключаются въ «двойной культурѣ» и въ чрезвычайномъ развитіи административной оупы, въ излишнихъ ограниченіяхъ роли и задачъ мѣстнаго самоуправленія, въ несправильномъ распределеніи податнаго бремени, въ избыткѣ покровительства и рами финансовой полиціи обрабатывающей промышленности и, наконецъ, въ неудовлетворенности основныхъ нуждъ крестьянъ, объясняемой существенными недостатками въ области поемельной полиціи» (См. «Рус. Вѣдом.» № 1, 1903 г.). Кое-кто довозражаетъ на это конституціи.

Конституціи вѣдомъ въ томъ, что въ полиціи сѣхъ ассигнаціи, а всѣ другія замѣнанія будутъ съ такою же безпримечательностью изданы губернскими коммисіями, какъ подъ предѣлительствомъ губернаторовъ происходятъ выписываніе «неблагонадежныхъ» лицъ и мыслей. Но еще раньше, чѣмъ губернскіе коммисіи успѣли совершить свою обязательную работу, сами инициаторы Особого Собранія, министры финансовъ, давъ въ новомъ таможненномъ тарифѣ оригинальную иллюстрацію того, какъ наше правительство намерено правды на помощь сельскому хозяйству. Новый тарифъ значить, конечно, помывшій тарифъ. Это само собою разумеется для русскаго министерства финансовъ. Изъ правительственныхъ сообщеній мы узнаемъ только, что въ данномъ моментѣ имѣется цѣлѣтъ три мотива для помывшенія ввозныхъ пошлинъ: 1) общія соображенія о надобности успѣла ресурсовъ государственнаго казначейства; 2) необходимость оказать болѣе существенную поддержку той или другой отрасли промышленности; 3) и, наконецъ, желаніе извѣстнаго товара въ иностранныхъ государствахъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ правительственныхъ такъ распоряженій». Видите ли, какаго это чудовѣщнаго шутика таможненнаго тарифа: онъ долженъ наполнить пустые сумки господа Витте, спасти отъ банкротства зарвавшихся заводчиковъ и назвать нѣмѣемъ. Начнемъ съ нѣмѣемъ, такъ какъ именно Германію, какъ недавно призналъ новый таможненный тарифъ, имѣтъ въ виду пунктъ, гдѣ правительственная коммисія, въ виду помывшенія пошлинъ, имѣтъ наказать нѣмѣемъ. Но такими принципами люди руководились развѣ только въ ту эпоху, когда кровавая мѣсть была единственнымъ средствомъ возмездія, когда омонъ платили за омонъ, а зубомъ за зубомъ. Помысливъ пошлѣны въ себя только потому, что онъ помывшенъ въ другой странѣ, значить совершенно забываетъ оиъ интересахъ населенія своей страны. Россія вывозитъ въ Германію преимущественно зерно, а въ виду помывшенія пошлинъ на зерно въ Россіи зерно будетъ затрѣвано. Масса русскаго крестьянина, продающаго часть своего хлѣба не потому, что она сама въ немъ не нуждается, а потому что принуждена заплатить несомнѣнно

